

О детстве, ядерном полигоне на Новой Земле, научном коммунизме и современном обществе

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1436>

4 июля 2012

Собеседник

Минюшев Фарид Исламович

Ведущий

Найденкин Михаил Сергеевич

Дата записи

Беседа записана 4 июля 2012 и опубликована 22 ноября 2012.

Введение

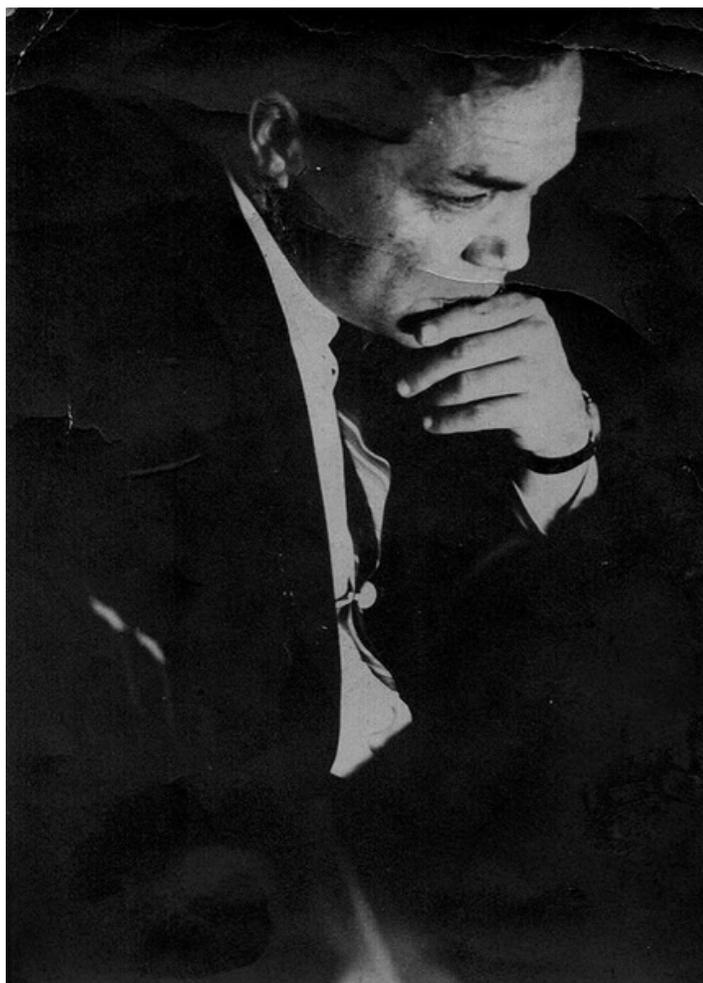
Первая беседа с доктором философских наук Фаридом Исламовичем Минюшевым посвящена рассказу о детстве, военной службе (во время которой он участвовал в строительстве ядерного полигона на Новой Земле и «прикрытии» производимых испытаний) и становлению в профессии. Фарид Исламович говорит о ключевых для развития советской политической науки центрах — Военно-политической академии им. В.И. Ленина и Отделении научного коммунизма Философского факультета МГУ. Рассказывает и о своей многолетней борьбе с руководством Отделения за право на разработку «проблемы отчуждения» именно в советском, а не в капиталистическом обществе. Собеседники размышляют о появлении новых гуманитарных дисциплин на рубеже 1980-х—1990-х годов.

Минюшев Фарид Исламович: Родился я в 1927 году, 22 декабря, в семье учителей. И родился я в городе Куртамыш Челябинской области ныне. Но там прожил, говорят, где-то три месяца всего. Потом уехали в Башкирию. Семья учителей передвигалась по школам. И в Средней Азии побыли год, отцу захотелось. Но, в основном, я начал учиться у матери. Я классы не проходил, я просто учился дома. То есть по классам: первый, второй, третий — я не помню, такого не было.

Найденкин Михаил Сергеевич: У вас было домашнее обучение?

Ф.М.: Да, считайте, домашнее. А потом мать переехала, [стала] заведующей средней школы, в другое село, в другую деревню. Он[а] называл[а]сь не деревня, а поселок. А там была русская школа. И вот мать мне сказала: «Иди в русскую школу». (Я на татарском учился.) Знаете, я бунтовал. Первые дни я не мог переваривать то, что кругом говорят, а я ничего не понимаю! Это было странно. До сих пор я помню, это чувство у меня — протестное. Как это так, лишили родного языка (*смеется*). Хотели туда послать, туда послать — отдельно жить. Мне было, наверное, десять лет. А потом мать (и я благодарен ей за это умное решение) нашла решение. Она попросила учителя, чтобы меня не спрашивали полгода. Два семестра, не спрашивали вообще.

М.Н.: Оставили в покое?

1980-е гг.

Ф.М.: Как будто я присутствую, но я никто для них. Ну знаете, получился эксперимент очень прекрасный. Я закончил четвертый класс с похвальной грамотой. Научился языку. И потом мне прислали

из библиотеки: [у меня было] самое большое количество прочитанных книг, оказывается. Вот тогда-то я схватил книги, в основном это французские, то есть на русский переведенные, конечно. Французская и английская литература. С тех пор я знаю все просто прекрасно. Почти всех! Если мне скажут, вспомни того-то, того-то, я могу вспомнить легко. Вот что значит детская память.

Брат и сестра. Учеба в старших классах

Потом война.

М.Н.: А как для вашей семьи началась война?

Ф.М.: Моя сестра училась в медицинском институте, в техникуме. Но она уехала (то есть у нас не было ничего) в Уфу. И там ее, собственно говоря, застала война. И она пошла добровольцем на фронт.

М.Н.: Родная сестра?

Ф.М.: Родная. Она была медсанбат, так называемый, полевой. Все три года воевала, потому что только через год она добровольцем пошла, и недавно только умерла. Она всю жизнь прожила настоящим. Вступила в партию в окопах. Потом стала ветврачом. Овладела профессией. И Татарстан, и в Сибири, по совхозам, управляла коровьим стадом (*смеется*). Она хорошо знала коров, но с людьми не очень.

М.Н.: У нее не сложилась семейная жизнь?

Ф.М.: Не сложилась. Был муж, пьяница. Под конец жизни, правда. А так, как-то не сложилось, и не с кем было, видимо. Я до сих пор не могу понять ее нутро.

М.Н.: Вы говорите, жаль ее?

Ф.М.: Жаль. Сострадание какое-то у меня есть.

М.Н.: А на сколько она старше вас?

Ф.М.: Я 27-го года, а она — 23-го. Четыре года. Брат старший 19-го года. Тот был уже офицером. Он попал в училище ленинградское после десятого класса. Училище закончил. Финская война как раз. И в это время несчастье случилось, потому что его распределили в Сибирь... в Новосибирске, да.

 Дивизия их дислоцировалась в Новосибирске. Сидели в ресторане, драка затеялась, они с оружием — только с фронта вернулись. Ну, и одного там убили. И всю эту кучу, заодно и его — в тюрьму, пять лет ему присудили за это дело.

М.Н.: В каком году это было?

Ф.М.: Это в 40-м году. Ну что это — 21 год! И все, эта жизнь сломалась у него. Так он отсидел пять лет, потом вышел. Много работал потом, профессий у него было [много]. Но быстро умер. Видимо, все-таки переживания эти сказались. Мать моя умерла после смерти брата, [прожила] недолго. А отец раньше умер. Он налаживал, чтобы мы переехали в Уфу. Потому что надо было учить нас. Подрастают, а деревенские школы уже не годятся. Он поехал в Уфу, устроился там у старой знакомой своей, детские еще [знакомства]. Получилось, что в это время он умер. Я до сих пор не знаю точно, какая причина. Я у матери узнавал. Он болел желудком. Но, мне кажется, время такое было, странное перед войной. В 34-м году. Дело в том, что я недавно нашел в интернете, что мой дед был, если на русский перевести, епископом в Самаре. И были гонения, конечно, на эту семью. И они оказались в Куртамыше, за Уралом (...). Я уже догадываюсь просто как. Я точно не знаю, как происходило все это. Ну, я связал, чисто умственно вот этот момент. Рационально, ну чересчур, мне кажется. Я думаю, что именно брат много взял у деда. Они близки, видимо,

были. Как-то так получилось.

Ну как [бы то] ни было, у [брата] жизнь сломалась из-за этой ресторанной драки. И только после войны он освободился. Он очень хорошо играл в шахматы. Он давал в тюрьме сеансы одновременной игры.

М.Н.: К шахматам он вас пристрастил?

Ф.М.: Да. Мне было 14 лет. Один год, я после седьмого класса, пешком ходил в Аксёново, в Шафраново, это тоже в Башкирии. А потом узнал, что ребята куда-то пишут. Наше время уже подходило куда-то устраиваться, после седьмого класса. Я узнал, даже поздно, что люди пишут в какую-то спецшколу. Специальная школа ВВС, оказывается, была она эвакуирована из Курска в Сарапул. Там город такой есть. Хорошо как-то кто-то меня надоумил, что какой-то адрес есть.

Я быстренько написал, отправил свою похвальную грамоту одну. И мне единственному пришло разрешение и вызов в эту школу.

Ребята остальные в войне участвовали. Один вернулся — ноги нет, второй вернулся, тоже что-то.

М.Н.: Старшие ребята?

Ф.М.: Чуть они старше были. Но я спецшколу ВВС закончил, среднее образование там дают. Это очень интересное образование, которое у нас потом не повторилось. Это готовили офицерский состав будущий. Сталин был, я вам скажу, очень предусмотрительный. Он готовил офицерский состав из молодых совершенно. И, знаете, готовил, чтобы с образованием, и чтобы был постоянный состав, который поставлял[ся] бы через эти спецшколы. И вот в 46-м году я закончил, принял присягу, нас отправили в училище летчиков. Я там и закончил училище.

Послевоенная учеба

М.Н.: А какое училище было?

Ф.М.: Имени Чкалова. Это Борисоглебское военное училище летчиков имени Чкалова. Мы закончили на самолете ВА-9. Любил летать. Закончил по первому разряду. Это высший разряд у нас. И поэтому мне позволили выбрать место службы. И я выбрал. Узнал, что такие-то [самолеты] ожидаются в новую материальную часть. Я выбрал Кобрин. Там как раз через месяц после того, как я поступил, пришла часть новая материальная — МИГ-15.

М.Н.: То есть вы хотели на новых машинах летать?

Ф.М.: Да, да. В то время я, видимо, молодой был, энтузиазм...

М.Н.: В 50-х годах?

Ф.М.: Да. Я закончил училище в 53-м году.

М.Н.: А в каком звании вы закончили?

Ф.М.: Лейтенант. А потом в училище переучился. Потом всю нашу дивизию погнали на Северный полюс. То есть Кольский полуостров, потом на Новую Землю.

М.Н.: Это так перемещали вашу дивизию?

Ф.М.: Дело в том, что меня, нашу эскадрилью... Три эскадрильи полк составляют. Нужно было полк набрать для прикрытия от взрывов атомной бомбы. Испытание на Новой Земле. Нашу эскадрилью всю отдали этому полку. Я помню, впервые мы сделали перелет от Кольского полуострова до Новой Земли. Это 700 с лишним километров. Истребитель — он кушает много, мы садились, когда полностью уже почти

горючее заканчивалось. Но мы селись. Сели, без всяких, нормально.

Эскадрилья. Ф.И. Минюшев в первом ряду второй справа. Новая Земля, 1955

М.Н.: А на Новой Земле есть и была полоса? Да? Взлетно-посадочная?

Ф.М.: На Новой Земле там полоса была, построили специально для нас. Потому что прикрытие, видимо, [решили сделать] после Тоцких лагерей. Ну, вы знаете историю бомбы, да? В Тоцких лагерях впервые бомба была испытана, но она принесла какой-то урон экологический. И правительство учло: неприятная история, переместить полностью испытание ядерного оружия на Новую Землю — остров изолированный. И к нашему перелету подготовили и полосу, и все остальное, то, что нужно. Казармы и тому подобное. Но что неприятно, что ненцы, местные жители, все были переселены в Архангельскую область. Об этом никто не знает. Я с удовольствием в свое время беседовал несколько раз, очень плохо по-русски говорил староста новоземельского — как он назывался — островной комитет. Он еще знал Калинина. Калинин с ним знакомился, он же староста Новой Земли был — там называли его так. Удивительно интересный человек был.

” И он плакал, перед нашими офицерами плакал, самым настоящим образом. Что его народ — он чувствовал ответственность за него — выгнали с острова. Лишили родного края. И это до сих пор я вспоминаю очень трудно.

М.Н.: Такое суровое место.

Ф.М.: Однако же родное место. Они же приспособлены к ловле рыбы и тому подобное. Вся эта нерпа...

Потом я как-то узнал, что пришла заявка — на прием в Военно-политическую академию. Ну, я написал быстренько заявление. Я же закончил с отличием училище. И меня приняли. Я в то время уже был штурман эскадрильи, капитан. Меня приняли в военно-политическую академию. Я учился четыре года. Вон там есть у нас целый альбом... А потом, когда закончил я, уже майором был, летал на самолетах МИГ-15. В Московскую область определили. Раз в Новую Землю... Кадровики всегда учитывали, где человек был, тяжесть [условий службы] и тому подобное, какие трудности испытал. Меня отрядили в Московскую область, в Туношну под Ярославлем*.

* Очевидно, абберрация памяти. Военный аэродром, а теперь международный аэропорт «Туношна», находился в Ярославской области.

Там год или два был, три. Потом в другом, послали меня, списали. Прямо сказали: видимо, на Новой Земле, моя почка правая заразилась из-за плохой воды. Там появились камни, а с камнями нельзя летать. Меня на год отстранили, чтобы посмотреть, как там мой организм выдержит. Я уволился. 25 лет было. И сегодня мы как раз размышляли с Наташей, сколько же у меня выслуги лет? Там сейчас выслуга лет, то есть трудовой стаж насчитывает много, даже предлагают 45. У меня оказалось вместе со льготными — 70 лет трудовой стаж (*смеется*).

М.Н.: Жизнь. Трудовая жизнь отдельная — 70 лет!

1980-е гг.

Ф.М.: Да, 70 лет. Я сейчас получаю и как профессор, и получаю еще военную пенсию. Что меня побудило? После этого, из-за только хорошей пенсии, я пошел в науку. Преподаватели, я знал, в военно-

политической академии плохо получали деньги. Если у меня не было бы военной пенсии, куда бы я ни в какую науку не пошел совершенно.

Решение заняться наукой

М.Н.: То есть вас комиссовали, да?

Ф.М.: Да, меня комиссовали.

М.Н.: А в каком году примерно?

Ф.М.: Это в 65-м году. В ноябре, по-моему, месяце.

М.Н.: Вы уже учились в Военно-политической академии?

Ф.М.: Да, да, да, уже закончил. Уже летал в военной части. И там, в части, меня уже комиссовали. Из-за того, что почка отказала почти. Мне было трудно, но я решил идти дальше. Я мог быть пенсионером, нормальным человеком, ну, какую-то земную профессию освоил бы. Ерунда это все. Дело наживное. Но я подумал: «Пойду в науку, все-таки хочу знать. Как раз бум был такой: современное, нынешнее, поколение будет жить в 80-х годах в коммунизме. Для меня это совершенно... Что это такое? Я хотел узнать. И вот меня это потянуло. Деньги были: то есть пенсия у меня. В случае чего, я мог попрощаться и так. Я правильно принял решение, наверное. И пошел я в Военно-политическую [академию]. Закончил с отличием. Потом через год меня приняли. Пенсионером я долго не был, год всего, и то, почасовой какой-то работал в Калуге. Меня приняли преподавателем в Военно-политическую академию. В Военно-политической я защитился, кандидатом стал.

М.Н.: А по какой теме?

Ф.М.: Отчуждение.

М.Н.: Уже тогда?

Ф.М.: Уже первая кандидатская — это было отчуждение и его преодоление. Вот поэтому и наш [Александр] Митрофанович [Ковалев]. Он стал научным руководителем со стороны, из МГУ.

М.Н.: А он там читал?

Ф.М.: Он там читал. Почасовая, правда, но так читал! А потом Ефим Федорович Сулимов — генерал-майор. Он как раз главный редактор вот этого первого, впервые изданного в нашей стране [сборника] «Основы научного коммунизма». Он был главным редактором. И вот насобирал. У меня там есть статья на эту тему. Только-только я начал работать на эту тему. Но статью взяли. И он пришел в МГУ, наш Сулимов. Он в отставку пошел и меня прихватил одного: «Давай иди!»

М.Н.: На отделение научного коммунизма?

Ф.М.: На отделение научного коммунизма. И вот я там и защитился. Там защитил я докторскую. Примерно такая же тема. Но там я к тому времени уже много чем овладел: создал внутренние какие-то условия, чтобы овладеть вот этой темой. Это интереснейшая тема! Она отвечает почти на все вопросы, которые задает нормальный разумный человек, живя в обществе, в любом.

М.Н.: То есть она касается сразу же многих моментов, она узловая?

Ф.М.: Очень, очень узловая тема, фундаментальная. То есть это способ жизни человека. Раскрывает способ жизни человека в обществе. Не сам по себе. Не человек и природа, а именно человек и общество. Именно в этом остром ключе работает эта система. Вот Маркс очень точно схватил, первый схватил этот момент. Почему я и говорю, молодой Маркс. Он был философом... ну, я даже не могу подобрать сравнения. Для меня — это великан! Чтоб предусмотреть такие эволюции человеческого общества! И это

меня увлекло. Потом я перешел, когда [он] уже назывался, [на] социологический факультет.

М.Н.: А с кем вы еще работали на научном коммунизме? Вы попали на какую из кафедр?

Ф.М.: Я попал на научный коммунизм. И в Военно-политической академии кафедра научного коммунизма была. Я уже ушел оттуда доцентом. Я уже защитился. А здесь кто из Военно-политической академии... он взял только меня с собой. Сулимов — известный теоретик научного коммунизма. Дальше вот как раз говорили — Козиков. Козиков был с другой кафедры — теории научного коммунизма. А у нас я уже забыл, как называется. Нет, у Митрофановича была кафедра теории и методологии научного коммунизма, а у нас — просто кафедра научного коммунизма. Но с упором на человека и тому подобное.

Защита диссертации

Выборы декана социологического факультета МГУ

М.Н.: А вот вы сказали, что, когда защищались, два года вашу диссертацию не пропускали... Вот расскажите, это интересная история.

Ф.М.: Я написал диссертацию. Докторскую, конечно. Быстро-быстро написал. Поскольку был уже напитан. Ефим Федорович договорился с этим Ковалевым. А Ковалев — заведующий другой кафедрой. Сулимов — моей. Он договорился, мол, давай пропустим. И он пришел, Ковалев Александр Митрофанович. Первое обсуждение.

Он встал и сказал: «Я председатель совета, и я не допущу вас к защите, пока вы будете утверждать, что при социализме есть отчуждение». Открыто, ясно.

Ну мы: «Как это так?» (*Смеется.*) Возроптали! Ничего, он выдержал, видать, это было сверху полностью указание такое по ВАКу. Многие решались на это дело — раскрывать, но я написал докторскую. Потом как-то так переменялось, пошла перестройка.

М.Н.: Значит, это было примерно в 80-х годах, в первой половине?

Ф.М.: Да в 81-м году, по-моему, в 82-м я уже написал.

М.Н.: И не смогли защитить ее?

Ф.М.: Да, не смогли защитить. Лежала работа около пяти лет в совете. И я больше не чухался, и никто мне ничего не говорил. А в совете лежала диссертация. Я ходил туда, смотрел: она лежит. И дождался перестройки. Она мгновенно принята была. Он же [Ковалев] был директором председательского совета. Он же пропустил меня. И хвалил даже, в конце концов за то, что я поднимал такую сложную тему и нужную для общества, оказывается. А до этого пять лет держал меня под спудом (*смеется*). Но я на него не в обиде. У меня в то время была масса работы. Мне нужно было очень много читать, многим овладеть, очень развиваться в науке. И впервые познакомился с социологией как таковой.

Наша социологическая школа в России была очень богатая. Мы просто плохо знаем. Есть вещи, которые надо знать все-таки для своей страны. Я не тосковал, во всяком случае. Подвернулась перестройка, меня приняли, то есть он сказал: «Давай, защищайся». Я пошел, защитился, и всё. Потом социологический факультет тут начали организовывать, было постановление на эту тему.

Постперестроечное время. Социологический факультет сегодня

М.Н.: А как вообще [отделение научного коммунизма] внутри себя переживал[о] этот процесс перестроечный?

Ф.М.: Сейчас уже нюансы я не помню.

М.Н.: Может быть между собой какие-то разговоры?

Ф.М.: Переход с одной парадигмы, такой крупной марксистско-ленинской парадигмы к объяснению общества на других основах — это очень трудно дается, с трудом. Но я был подготовлен к этому, потому что я видел все невзрачные стороны нашего общества. Отчуждение связано [с этим], и мне пришлось там все описывать. То-то, то-то свидетельствует о том, что есть процесс отчуждения экономического, социального, психологического и так далее. И поэтому у меня внутри не произошло изменений каких-либо крупных. Хотя до сих пор я считаю, что марксизм — это одна из крупных, лучших дисциплин общественного характера, которая объясняет. И, к сожалению, я в последние годы вообще замечаю, [что] Ленина забыли. Я в свое время [его труды] прекрасно знал. Я всего его проштудировал, Ленина. Особенно последние работы, когда он говорит о НЭПе, когда возник [вопрос]: куда же дальше идти? После гражданской войны победили, ладно, а дальше что? Вот он выдвигает идею НЭПа. Недавно я снова кинулся к Ленину [времен] НЭПа. Там есть пять статей у него: «Как нам реорганизовать Рабкрин» и так далее. И получилось, что как будто он говорил сегодняшним днем. Ленин, он хорошо знал Маркса и понимал его. И вот это, видимо, нас заставляет, если хотят, что-нибудь [говорить] об обществе, смотреть и Ленина. Последние годы он работал очень серьезно над вопросом «куда пойдет Россия?» А сегодня у нас, к сожалению, общественные науки находятся на этапе, когда мы не знаем, на каком этапе находимся. Какая эволюция и куда мы идем? Ну, рынок — это не ответ. Глобализация, — но это не ответ.

Это не общественно. Глобализация — это процесс, который начинает объединять общество человека, то есть человечество — объединенное общество. Сейчас усиливается взаимодействие. Но поскольку, мы не знаем, как же образуется, в силу взаимодействия людей, конкретное общество, плохо знаем, во всяком случае, мы не можем дать диагноз нашему обществу.

Вот недавно в совете выступал Ядов, вы, наверное, знаете его? Крупнейший социолог наш. Он подверг очень большой критике социологический факультет. Потому что у нас Центр консервативных исследований есть.

М.Н.: Это который открыт по инициативе Добренькова и Дугина?

Ф.М.: Да. Дугин — это не социолог, а политолог. И его до сих пор не утверждают заведующим кафедрой. Уперся наш ректор. Почему? Потому что он политолог. Он не знает, а речь идет о социологии международного отношения. Очень серьезный образ.

М.Н.: Это кафедра, по-моему, Цыганков ее возглавляет?

Ф.М.: Цыганков возглавлял. Цыганков был вынужден уйти, его вытеснили. Вот это как раз Дугин. Дугин чем-то купил Добренькова. Купил вот этой своей преданностью старым идеям уваровского типа. Самодержавие, народность, и что там у него?..

М.Н.: Православие.

В гостях у генерала Е.Ф. Сулимова. 1960-е гг.

Ф.М.: Православие. Вот сейчас за три этих схватились и продвигаются в социологическом факультете вовсю, подводя под консервативный способ управления обществом. И, между прочим, находят очень серьезную поддержку в правительстве. Правительство наше сегодня, на мой взгляд, выступает как совокупный капитализм. Капиталист совокупный по своему духу, ориентации, поиску решений. Но дело в том, что они не могут найти другое что-то. И надо идти проторенным путем, что прошла Европа и Америка. Они ничего не могут выдумать, потому что реальность такова, что вынуждены подчиняться закону стоимости, финансовым отношениям. И в этих условиях, конечно, факультет потянул теорию назад. Уварова он считает гением.

Запрос на консерватизм в российской власти

М.Н.: А может быть, так скажем, существует во властных кругах запрос на консервативное исследование в том свете, чтобы не были пересмотрены итоги приватизации? Или для того, чтобы легализовать капиталы?

Ф.М.: Подобные причинные и следственные моменты тут есть. И причина лежит там.

М.Н.: И вы считаете, что социологический факультет в данном случае берет курс на некоторое обслуживание капитала? В этом аспекте?

Ф.М.: Не только капитала. Капитал один нормально было бы еще. Делать курс на воспроизводство старины, архаизм.

М.Н.: Понятно. То есть это такое возвращение к некоторым традиционным понятиям.

Ф.М.: Возрождение старого порядка. Даже у Путина я видел. Но последнее время, когда он... (я внимательно иногда смотрю, слушаю его), я замечаю за ним, что некоторый отход у него от этого консерватизма. Но все равно он — консерватор. В своей душе и в своей ориентации, он не любит общественных перемен. И потом он не научился, не умеет... он научился управленческому стилю, такое, я бы сказал, не концептуальное видение проблемы, а именно локализованное управление. Вот проблема есть — кинулись туда.

М.Н.: Еще называют, ручное управление.

Ф.М.: Совершенно верно.

Это очень вредно сказывается на обществе, потому что мы всегда будем плыть по течению, куда приведет.

М.Н.: То есть у нас нет какого-то общего, генерализованного подхода?

Ф.М.: Нет.

М.Н.: Есть только ситуативная конъюнктурная проблема и ее решение?

Ф.М.: Совершенно верно. Где-то на 20 лет они пытались сформировать концепцию, линию жизни в России, но неудовлетворительно. Но на 20 лет у них нет возможностей методологически. Методически ничего нет. Они могут только максимум два, три, четыре, пять лет... на время приспособлено все это дело. На президентский срок, который будет на четыре года или там пять лет.

М.Н.: Шесть.

Ф.М.: Шесть лет с трудом продвинули, потому что они привязаны к этому сроку. И только в этот срок могут планировать что-то. А дальше — уже полная тьма! Как дальше? А настоящая теория должна все-таки

просмотреть, как дальше. Чуть-чуть дальше поколения этого.

М.Н.: То есть должна обладать таким предсказательным эвристическим характером?

Ф.М.: Совершенно верно. Футурологический момент очень необходим, а его нет в социологии.

О необходимости перемен в современной социологии

М.Н.: А что бы нужно было изменить в современной социологии? Какого характера исследования должны доминировать?

Ф.М.: Вот я набросал свои представления о современной социологии. Половину написал, подам в «Социологические исследования», в журнал. Но его мало кто читает. Миллион человек читателей... Что нужно? Теоретическую социологию надо развить так, чтобы учитывалось, что, во-первых, идет глобализация, то есть формируется совокупность обществ во множественном числе, которые взаимодействуют друг с другом. Уже технические и другие моменты назрели настолько, на сколько и финансовая взаимопомощь и другие моменты производительной силы развились. Насколько, что необходим обмен между обществами.

М.Н.: Глобальное разделение труда?

Ф.М.: Да. Вот именно этот момент. Вплоть до того что глобальное управление может быть. Вроде там «[Большая] двадцатка», «восьмерка». Это поиск. А раз нуждается, это нужда прет. Это поиск путем проб и ошибок. Теория здесь ничем не помогает, потому что нет основ предвидения. Футурологический момент отсутствует.

Поэтому нужно развивать вот эту область глобализации. Грубо говоря, словами теоретическими, по-другому уже надо говорить о производительных силах, финансовых, тому подобное. Почти все страны уже перешли к рыночной системе. Китай тоже перешел. Это какая-то такая основа, объединяющая многие. Но, она же и к кризисам приводит. Кризисы внезапные, неуправляемые. Вот сейчас ищут, я думаю, что где-то европейцы начали искать более оптимальные способы. Последнее решение этих «семерки» или «восьмерки» (без наших собрались, к сожалению) о дисциплине, бюджетной дисциплине. Дело в том, что современное поколение европейцев начало поднимать свой жизненный уровень за счет взятия у следующего поколения его доли. Поэтому образуется государственный долг. Это выражается в финансовой системе уже. Финансовая система в такой степени оторвана от чистой товарной системы. Она обеспечивает, но и оторвана. Дело в том, что ее (финансовую систему) можно взять оттуда, и независимо от производительных сил... на ней увеличить жизненный уровень и тому подобное.

М.Н.: Путем кредита и эмиссии.

Прием экзаменов в МГУ

Ф.М.: Совершенно верно. И вот увлечение этим моментом — многие люди не понимают до сих пор, что это воровство старшего поколения у молодого будущего. И это будущее поколение всегда будет оставаться в долгу. И будет стремиться к тому, чтобы согласовать свой жизненный уровень и качество жизни только с теми возможностями, которые достались после того, как старшее поколение дало им.

М.Н.: То есть накопился бы огромный дисбаланс в мировой экономике?

Ф.М.: Вот этот момент и говорит о том, что теория должна помочь. Ищут пока путем проб и ошибок. Социология совершенно не учитывает этот момент — данная социология, наша. Она основана на парадигме структуры функционального анализа.

М.Н.: Более статична, в смысле?

Ф.М.: Совершенно верно. Нет идеи развития. Идея развития, и методика, и методология: она идет только фиксацией существующего. Фиксирует, какая структура, какие функции сегодня выполняет. А развития структуры нет. Потому что нет силы, не найдено, не обрисовано, не описано, которая толкает ее вперед. Люди, вся социология современная, она основана на том, что человек забыт. Человеческие проблемы, они созданы точно только в одной теме — обществе и личности. Больше в социологии нет о человеке ничего. А надо перевернуть и посмотреть на общество как на продукт взаимодействия людей. Взаимодействие! Если мы забываем это слово, мы вообще не умеем смотреть, как развивается данное взаимодействие, данный продукт. А общество есть продукт. Он сам по себе не образуется. С помощью

людей только. И вот сейчас я думаю, что отчуждение — это самоосвобождение человека. Когда произведенный им продукт давит на него, заставляет делать так, как ему надо, по своим законам. И человек — не актер, не производитель, а человек — подчиненный. Над ним господствует много сил. Это как раз процесс самоосвобождения и демократизации. Вот это есть элемент процесса. Точнее характеристика его.

” Именно самоосвобождение дает возможность рассматривать демократизацию как все большее участие народа в своей судьбе.

М.Н.: А вы видите это сейчас? Сейчас есть такой процесс?

Ф.М.: Сейчас как раз идет борьба. Вот говорят о третьем... и то, что вот три митинга были серьезных.

М.Н.: На Болотной, на Сахарова, и потом опять на Болотной? Вы имеете в виду эти митинги?

Ф.М.: Да, да. Я смотрел их призывы, к чему они стремятся. Чисто человеческие требования. Честные выборы, честный человек, и прочее-прочее, жизненный уровень. Моя жизнь, судьба моя — вот что людей сегодня интересует. Чтобы я мог влиять на свою судьбу жизненную. А пока что господствует над ними, над людьми такая неуверенность в завтрашнем дне. Масса людей не уверены, потому что кризис наступит. Готов, что с тобой будет?

М.Н.: А в советское время чувствовалась уверенность в завтрашнем дне?

Ф.М.: Чувствовалась.

М.Н.: Массового невроза на этот счет не было?

Ф.М.: Не было. Дело в том, что я смотрел: 20 с лишним процентов, у Крыштановской, по-моему, есть. Нет... Они посчитали что во время правления Ельцина, как раз переворот во всех моментах. Они высчитали, что примерно 20 процентов народа было подвержено психическим расстройствам. Бум, взрыв психического расстройства в народе. Но об этом никто не говорит. Мало, что говорит. А это показатель!

М.Н.: Есть статистические данные на этот счет?

Ф.М.: Да. Статистика. Есть книга на эту тему. Это как раз говорит о неуверенности в завтрашнем дне. Если человек обеспечен, он всегда может заработать и так далее, он уверенно смотрит, спокойно смотрит на будущее. И его не сопровождают тревоги. Это конечно не успокаивает, вообще население, нервную систему. Люди подвержены вот этим возникающим иллюзиям. А потом они срываются. Вся наша пропаганда тех людей, которые приходят к власти, она обоснована на чисто временных подачках. Тот обещает, тот обещает, а народ верит. Я думаю, что только через борьбу можно будет прийти к осознанию людей.

” И возврат к старым полукрепостническим отношениям, которые формируют консервативный способ мышления, только оттянет Россию назад, и мы окажемся в очень плохом состоянии. Мы потеряли, собственно говоря, пьедестал великой державы.

Слушатель ВПА

М.Н.: И может быть сейчас [идет] процесс архаизации? Обратный процесс, люди переселяются на землю, люди отчуждаются от политического процесса, люди отчуждаются от каких-то глобальных экономических процессов.

Ф.М.: Индивидуализм настолько закрывает все. Очевидно, [человеку] некогда оглядываться кругом. Его только необходимость умственная заставит [задать вопрос], что же происходит дальше. И поэтому теория, как и наука общественная, потеряли свою значимость. Мало кто интересуется. Наша система высшего образования деградирует, в какой-то степени.

О переменах в высшем образовании

М.Н.: А как вы относитесь к переменам в высшем образовании, которые происходят в последние годы? Переходы на Болонскую систему? К введению тестовой системы?

Ф.М.: МГУ всегда выступало против чисто формалистского подхода к оценке знаний человека. Думаю, что эта линия МГУ правильная. Мы тогда потребовали, собственно говоря, когда вводили ЕГЭ, чтобы не было этого произвола. Произвол какой? Потому что директивно одному и тому же по одной программе обучаются миллионы людей, нет поиска самой системы образования. Получается, что... Еще тоньше, ладно. Что такое система рыночная? Продавец — покупатель, производитель — потребитель. Правильно?

Какие отношения между ними складываются? Я тебе — ты мне. И в чем оценивается? Через деньги. То есть это отношения продавца и покупателя, если на то пошло. И получается что прежде всего именно [такие] отношения перемещаются в систему образования. И поэтому «я — тебе, ты — мне, от сих до сих пор», то есть взгляд как на товар. И просвещение оказывается подчиненным вот этому товарному производству. И этот момент приводит к тому, что человека нужно проверять только формальным способом. Широту здесь не найдешь, потому что отношения между учителем и учеником переходят в совершенно другую область.

М.Н.: То есть тест — это товарная накладная?

Ф.М.: Совершенно верно.

М.Н.: А диплом — чек?

Ф.М.: Да. В переводе на язык переносный. На деле, вот я сегодня слушал, как раз канал «Культура», который дает простые, искренние воспоминания некоторых людей, особенно артистов. Мне нравится, когда они говорят откровенно так, при всех, но чисто в личном плане. А откуда у людей такая привычка, стремиться к искренности и тому подобное? А система воспитания тоже много значит. И если между учителем и учеником создаются взаимоуважение и взаимодействие друг другу. Когда учитель не погонит за деньгами, а погонит за целью. Формировать личность данного ученика, все силы приложить для этого и отдать ему какие-то знания. То есть это не рыночный момент, здесь есть момент великодушия. Здесь другие моменты сразу вступают в дело.